

Глава 6

Викинги: прелюдия и fuga

Североатлантические эксперименты. — Экспансия викингов. — Автокаталитический процесс. — Сельское хозяйство викингов. — Железо. — Вожди викингов. — Религия. — Оркнейские, Шетландские и Фарерские острова. — Природа Исландии. — История Исландии. — Исландия сегодня. — Винланд.

Когда киноманы моего поколения слышат слово “викинг”, в их памяти, вероятнее всего, возникает образ Керка Дугласа из эпического фильма “Викинги” 1958 г. — главаря шайки викингов, разбойника в кожаной куртке, который воодушевлял рыжебородых коллег на жестокие набеги и битвы. Хотя прошло уже почти столетия с того вечера, когда я, будучи студентом, смотрел этот фильм со своей подругой, я все еще могу проиграть в воображении сцену, в которой ворота замка трещат под ударами викингов, а его ничего не подозревающие обитатели продолжают веселиться, чтобы через несколько минут затихнуть навсегда. Я помню, как “викинг” Керк Дуглас уговаривает свою прекрасную пленницу, героиню Джанет Ли, доставить ему особое удовольствие, сделав вид, что она сопротивляется его домогательствам. В этих жестоких сценах не так уж много выдумки — викинги действительно в течение нескольких сотен лет держали Европу в страхе. Древнескандинавское слово “викинг” означает “захватчик”.

Но история викингов знает и другие, не менее романтические сюжеты, имеющие непосредственное отношение к вопросам, рассматриваемым в этой книге. Викинги были не только жестокими пиратами, но также земледельцами, скотоводами, торговцами и путешественниками (видимо, это они открыли для европейцев Северную Америку).

Судьба основанных ими поселений складывалась по-разному. Викинги, осевшие в континентальной Европе и на Британских островах, ассимилировались, смешались с местным населением и повлияли на процесс становления государственности в России, Англии и Франции. Колония Винланд (это была первая попытка европейцев поселиться в Северной Америке) быстро обезлюдела. Колония в Гренландии, в течение 450 лет служившая самым отдаленным северным форпостом европейской цивилизации, погибла. Исландцы сотни лет боролись за выживание, чтобы в итоге стать одной из самых благополучных наций современно-го мира. Колонии скандинавов на Оркнейских, Шетландских и Фарерских островах продолжают существовать без особых проблем. Все эти колонии были детищами одного прародителя — древней Скандинавии; поэтому разница в путях их развития целиком определяется условиями, в которых оказались первопоселенцы.

Движение викингов на запад через Атлантику (см. карту 7) представляет собой весьма поучительный исторический эксперимент, как и освоение островов Полинезии. Заселение викингами Гренландии было, так сказать, “экспериментом внутри эксперимента”. Скандинавские первопроходцы встретили в этих краях инуитов (самоназвание эскимосов), чей образ жизни и способы решения задач, обусловленных внешней средой, были принципиально иными. Результат этого “малого” эксперимента, занявшего пять столетий, очевиден: поселения викингов опустели, и Гренландия отошла в полное владение инуитов. Трагедия гренландских колонистов имеет по крайней мере один обнадеживающий аспект: очевидно, что

даже в очень тяжелых условиях гибель цивилизации не является неизбежной. Ее судьба зависит от поведения людей.

В гибели скандинавских поселений в Гренландии, обусловленной факторами экологического характера, и в борьбе за выживание, которую на протяжении многих столетий вела Исландия, прослеживаются параллели с историей острова Пасхи, Мангарева, анасази, майя и многих других доиндустриальных обществ. Однако в случае Гренландии и Исландии мы владеем гораздо более полной информацией о причинах такого развития событий. Имеются многочисленные письменные свидетельства современников — самих скандинавов и их торговых партнеров. К сожалению, дошедшие до нас свидетельства фрагментарны, но все же это лучше полного отсутствия каких-либо записей у других доиндустриальных обществ. Племена анасази погибли или были рассеяны, а на острове Пасхи жизнь хотя и не замерла полностью, но сильно изменилась под влиянием внешних обстоятельств; в Исландии большая часть современных жителей — прямые потомки викингов, которые, взяв себе в жены девушек из кельтских племен, основали колонию. Современная европейская цивилизация — прямая наследница средневековой христианской цивилизации, которую викинги принесли, в частности, в Исландию и Гренландию. Поэтому для нас не представляют загадки назначение и смысл артефактов или руин. Для интерпретации археологического наследия других цивилизаций приходится ломать голову. Например, когда я стоял в проеме западной стены относительно хорошо сохранившегося здания, построенного около 1300 г. в местечке Хвалси в Гренландии, я мог заключить на основе опыта знакомства с устройством христианских церквей, что это руины церкви, почти точная копия постройки в норвежском Эйдфьорде, а проем в стене — это главный вход (см. ил. 15). Что касается, например, острова Пасхи, то мы не можем с той же уверенностью говорить о назначении найденных там каменных статуй.

Судьба поселений викингов в Исландии и Гренландии — это более сложная и, следовательно, более поучительная история, чем судьбы островов Пасхи и Мангарева, а также культур анасази и майя. В данном случае сыграли свою роль все пять факторов, о которых шла речь в начале книги. Викинги нанесли ущерб среде обитания; они не были избавлены от глобальных изменений климата; их реакция на происходящее и их культурные ценности также сыграли свою роль. Первый и третий из перечисленных факторов повлияли также на остров Пасхи и Мангарева, а на культуру анасази и майя повлияли все три. Но для Исландии и Гренландии значение имели и дружественные контакты с соседями — особенность, роднящая поселения викингов с племенами анасази и населением острова Мангарева, но отличающаяся от культур острова Пасхи и майя. Наконец, только викинги в Гренландии из всех рассматриваемых нами сообществ испытывали серьезное негативное воздействие со стороны враждебных соседей (инуитов). Таким образом, если историю острова Пасхи или Мангарева можно сравнить с фугой, в которой переплетаются соответственно две или три темы, как в некоторых фугах Иоганна Себастьяна Баха, то злоключения жителей Исландии — уже четверная fuga, подобная той, которая должна была стать завершением последнего, незаконченного сочинения Баха “Искусство фуги”. Гибель гренландских поселений викингов дает нам аналог того, что не пытался создать даже Бах: полную пятерную fuga. С учетом сказанного, именно судьбы поселений викингов в Исландии и Гренландии мы рассмотрим в настоящей книге наиболее подробно: это вторая (и самая крупная) “овца”, проглоченная нашим “удавом”.

Прелюдией к “исландско-гренландской фуге” стала экспансия викингов в Европу после 793 г., охватившая просторы от Ирландии и Балтики до Средиземного моря и Константинополя. Напомню, что основные элементы европейской средневековой цивилизации сформировались в течение предшествующих десяти тысяч лет в районе так называемого Плодо-

родного полумесяца или рядом с ним. Это родина зерновых культур, одомашнивания животных и изобретения колесного транспорта; здесь появились первые изделия из меди, позднее также из бронзы и железа; здесь были возведены первые города, сформировались первые государства и зародились первые государственные религии. Все эти элементы культуры распространялись с востока на запад, постепенно трансформируя Европу, начиная с заимствования Грецией пришедшего из Малой Азии земледелия около 7000 г. до н. э. В Скандинавию — наиболее удаленную от Плодородного полумесяца часть Европы — земледелие пришло в 2500 г. до н. э. Этот регион остался в стороне от римского влияния: в отличие от территории современной Германии, Скандинавия была недоступной для римских купцов; у Скандинавии не было и общих границ с Римской империей. Таким образом, вплоть до Средних веков Скандинавия оставалась “медвежьим углом” Европы.

Однако у скандинавов было несколько уникальных ресурсов, которые ждали своей разработки: меха животных, населяющих северные леса, шкуры тюленей и пчелиный воск — предметы роскоши для остальной Европы. Кроме того, сильно изрезанная (как в Греции) береговая линия Норвегии делала путешествие по морю более удобным, чем по суше, а это способствовало развитию мореплавания. Вплоть до Средних веков скандинавы использовали только гребные суда и не знали паруса. Только в VI в., когда очередная волна глобального потепления и появление усовершенствованной модели плуга обусловили повышение урожайности посевов и рост населения, парусное искусство из Средиземноморья пришло и в Скандинавию. Поскольку значительную часть территории Норвегии занимают крутые скалистые горы, только 3% земель могут быть использованы в сельскохозяйственных целях; к 700 г. на этой пригодной для земледелия территории стало слишком тесно, особенно в западной ее части. Чем меньше оставалось возможностей основывать новые фермы в Норве-

гии, тем шире становилась экспансия скандинавов. Освоив парусное судоходство, скандинавы вскоре создали знаменитые драккары — плоскодонные парусно-гребные суда, очень маневренные и быстроходные, идеально отвечающие своей задаче — доставке мехов и шкур британским и континентальным любителям северных диковин. На драккарах можно было не только смело бороздить океаны, но и высаживаться на любом мелководье и даже подниматься вверх по рекам, не привязываясь к малочисленным тогда глубоководным гаваням.

Но заморская торговля стала для средневековых скандинавов, как и для других мореплавателей всех времен и народов, шагом на пути к вооруженным набегам. Когда честные торговцы развели дорожку к богатым европейцам, готовым платить серебром и золотом за меха и шкуры, молодые честолюбивые братья этих торговцев сообразили, что они могут заполучить золото и серебро, ничего не давая взамен. На тех же самых кораблях можно было проникнуть в богатые портовые города и даже подняться по рекам далеко в глубь материка, заставая врасплох местное население. Скандинавы стали викингами, то есть захватчиками. Драккары в те времена были самыми быстроходными кораблями, они могли уйти от преследования любых европейских судов, а сами европейцы ни разу не решились подняться в северные широты, чтобы в отместку атаковать скандинавские поселения. Земли, которые теперь входят в состав Швеции и Норвегии, тогда еще не были объединены под властью одного правителя; они находились в руках многочисленных вождей, которым награбленное в Европе добро было необходимо для привлечения на свою сторону союзников. Те же, кто проигрывал в междоусобных стычках, получали дополнительный стимул попытаться счастья на чужбине.

Мы можем точно назвать дату первого набега викингов — 8 июня 793 г.; первой жертвой скандинавов стал богатый, но плохо защищенный монастырь на острове Линдисфарн, лежащий к северу от побережья Британии. С тех пор набеги случались каждое лето, когда море было относительно спокой-

ным. В какой-то момент захватчики решили не возвращаться домой на зимовку — они стали основывать зимние поселения прямо на приглянувшемся побережье, чтобы возобновить набеги уже ранней весной. Сформировалась гибкая многокомпонентная система обогащения за счет местного населения; выбор метода зависел от соотношения сил викингов и их потенциальных жертв. Если силы викингов превосходили силы местных жителей, то торговля скатывалась к вымогательству в обмен на обещание не применять оружия и далее, по мере увеличения дисбаланса сил, к открытому грабежу и, наконец, к появлению поселений викингов за пределами Скандинавии.

Викинги из различных районов Скандинавии отправлялись за добычей в разные части Европы. Варяги, жившие в землях, принадлежащих нынешней Швеции, пересекали Балтийское море на восток, поднимались по рекам в глубь России, продвигались на юг, к истокам Волги и других рек, впадающих в Черное и Каспийское моря, налаживали торговлю с богатыми византийскими купцами. Они основали Киевское княжество, ставшее предшественником современной России. Викинги, населявшие территорию современной Дании, отправлялись на запад, к северо-западному побережью Европы и к восточному побережью Англии. Обогнув Испанию, через Гибралтарский пролив заходили в Средиземное море и высаживались в Италии; поднимались по Рейну и Луаре и основывали поселения в устьях этих рек, в Бретани и на востоке Англии, основали Нормандское герцогство во Франции. Викинги с территории современной Норвегии плыли на юго-запад, к берегам Ирландии и северо-западному побережью Англии; они превратили поселение на месте нынешнего Дублина в крупный торговый город. Викинги селились во всех частях Европы, брали в жены местных девушек и ассимилировались, в результате чего со временем за пределами Скандинавии не осталось ни одного поселения викингов. Викинги из Швеции смешались с русскими, датские викинги превратились в англичан, а поселившиеся в Нормандии скандинавы в конце кон-

цов забыли родной язык и стали говорить по-французски. Но в процессе этой ассимиляции скандинавские традиции не пропали, а были впитаны ассимилировавшей их культурой. Например, в современном английском языке слова *awkward* (неуклюжий), *die* (умирать), *egg* (яйцо), *skirt* (юбка) и десятки других появились благодаря скандинавской экспансии.

Во время походов в обжитые европейские земли многие корабли викингов сбивались с курса. Атлантический океан тогда, в период глобального потепления, был свободен от айсбергов, ставших позднее препятствием передвижению по Северной Атлантике и послуживших причиной гибели гренландских поселений викингов в XV в. и “Титаника” — в XX в. Сбившиеся с курса мореплаватели невольно становились первооткрывателями и первопоселенцами земель, прежде не известных ни европейцам, ни каким-либо другим народам: необитаемые Фарерские острова были открыты после 800 г., Исландия — около 870 г., Гренландия, на крайнем севере которой в то время жили так называемые дорсетцы, выходцы из Северной Америки и предшественники инуитов, — примерно в 980 г., а в 1000 г. — Винланд (“Виноградная страна”), часть Северной Америки, куда входил остров Ньюфаундленд, залив Святого Лаврентия и, возможно, прибрежные районы, населенные индейцами, которые вынудили викингов retirоваться после непродолжительной (около десяти лет) колонизации.

Набеги викингов на европейские города постепенно прекратились, когда европейцы научились обороняться; также этому способствовал рост мощи английского и французского тронов, усиление власти германского императора и укрепление положения конунга Норвегии, который постепенно подчинил других вождей и направил их энергию в мирное русло. Франки вытеснили викингов с берегов Сены в 857 г., одержали над ними победу в 891 г. в сражении при Левене (территория современной Бельгии) и изгнали захватчиков из Бретани в 939 г. Что касается Британских островов, то викингов вытес-

нили из Дублина в 902 г., а их государство на территории Англии распалось в 954 г. (хотя позднее было воссоздано и просуществовало с 980 по 1016 г.). Год 1066 — год битвы при Гастингсе, когда Вильгельм Завоеватель (Вильгельм Нормандский) возглавил войско франкоговорящих потомков викингов, пришедших отвоевать Англию, также может считаться годом окончания набегов. Вильгельм смог разбить англосаксонского короля Гарольда II 14 октября 1066 г. при Гастингсе на юго-восточном побережье Англии, потому что войско короля было изнурено двухсотдвадцатимильным переходом, совершенным менее чем за три недели — после своей победы над последней армией захватчиков 25 сентября при Стамфорд-Бридж (тогда погиб конунг викингов Харальд). После этого эпоха постоянных захватнических войн и набегов закончилась. Скандинавские государства начали вести торговлю с европейскими странами и изредка воевали. Норвегия стала известна уже не как страна наводящих ужас викингов, а как экспортер вяленой трески.

В свете того, что я только что рассказал, как можно объяснить причину, по которой викинги покинули свои дома и земли, чтобы рисковать головой в бою или бороться за выживание в сложных климатических условиях Гренландии, почему после долгого спокойного существования скандинавов в “медвежьем углу” в 793 г. началась экспансия, которая прекратилась менее чем через три столетия? О любой экспансии, имевшей место в истории, можно сказать, что она была вызвана “давлением изнутри” (увеличением численности населения и уменьшением возможностей на родине), “притяжением снаружи” (хорошими возможностями и незанятыми территориями в других странах) или обеими этими причинами.

Многие случаи экспансии в истории обусловлены той или иной комбинацией “давления” и “притяжения”, и викинги не являются исключением: они испытывали давление из-за роста численности населения и централизации власти в Скандинавии и ощущали манящее притяжение необитаемых зе-

мель, которые можно было заселить, и обитаемых, но плохо защищенных, где можно было пожить. Аналогично эмиграция из Европы в Америку, достигшая пика в 1800-е гг. и начале 1900-х гг., объяснялась действием и “давления”, и “притяжения”: рост численности населения, голод и политические притеснения гнали европейцев с родины, а широкие экономические возможности и почти бескрайние плодородные земли Америки и Канады имели огромную притягательную силу.

Если говорить о причинах, по которым силы давления и притяжения столь резко заявили о себе именно в 793 г., а впоследствии так же стремительно сошли на нет, то в первую очередь следует сказать, что экспансия викингов — прекрасный пример так называемого автокаталитического процесса. В химии термин “катализ” означает ускорение реакции при добавлении определенного вещества, например белка, называемого катализатором. В ходе некоторых химических реакций образуются вещества, являющиеся катализаторами этих реакций; тогда реакция, начавшись медленно и почти незаметно, с образованием катализатора идет все интенсивнее, катализатора вырабатывается все больше, и скорость реакции возрастает. Такая цепная реакция называется автокаталитической. Ее примером служит взрыв атомной бомбы, когда при достижении критической массы урана начинается распад ядер, с выделением энергии и образованием нейтронов, которые являются катализаторами процесса распада и инициируют дальнейшее расщепление ядер и высвобождение энергии.

Аналогично при автокаталитической экспансии человеческой популяции некое исходное преимущество (например, в техническом развитии), приносит определенную выгоду или открывает новые возможности. Это, в свою очередь, вовлекает больше людей в поиск этой выгоды или исследование возможностей, результатом чего становится получение новых преимуществ или открытие новых возможностей, стимулирующих на поиски еще большее количество людей. Когда

ниши, которые обеспечивают эти преимущества, будут заняты, автокаталитический процесс прекращается. Цепную реакцию в Скандинавии вызвали два события: набег в 793 г. на монастырь Линдисфарн, давший захватчикам богатую добычу, что стимулировало последующие набеги, принесшие еще более богатые трофеи; и открытие необитаемых, но пригодных для разведения овец Фарерских островов, которые послужили трамплином для освоения лежащей к западу Исландии, а та, в свою очередь, стала шагом на пути к еще более далекой и обширной Гренландии. Возвращаясь домой с трофеями и рассказами о землях, ждущих своего хозяина, викинги воспламеняли воображение сородичей, которые отправлялись на поиски добычи и новых островов. Другим примером автокаталитической экспансии является расселение древних полинезийцев по островам Тихого океана, начавшееся около 1200 г. до н. э., и португальцев и испанцев — по всему миру, которое началось в 1400 г. и усилилось после открытия Колумбом Нового Света в 1492 г.

Подобно тому как случилось с полинезийцами, испанцами и португальцами, экспансия викингов захлебнулась, когда были разграблены или колонизированы легкодостижимые земли и когда путешественники уже не могли рассказать дома о необитаемых островах или богатых, плохо защищенных городах. Два исторических события положили начало скандинавской экспансии, и два других события озаменовали ее конец. Первое — поражение в битве при Стамфорд-Бридж в 1066 г., ставшее последним в цепи военных неудач викингов и показавшее тщетность дальнейших набегов. А еще через десять лет викинги были вынуждены покинуть самую отдаленную свою колонию — Винланд. Две скандинавские саги указывают на причину отступления: непрекращающиеся вооруженные конфликты с местным населением. Индейцы были столь многочисленны, что викинги не сумели отстоять свои поселения. И вот, основав колонии на Фарерских островах, в Исландии и Гренландии, отказавшись от ставшего опасным

Винланда и обнаружив, что в Атлантическом океане нет больше необитаемых островов, викинги решили, что больше нет смысла чествовать авантюристов, пересекающих бурные воды Северной Атлантики.

Сначала уклад колонистов, заселивших новые земли, обычно похож на уклад в метрополии. В ход идет “капитал” знаний, верований, способов выживания и обычаев, который был накоплен в их культуре. Это тем более верно в случаях, когда (как происходило с викингами) заселяются земли, исходно необитаемые или населенные людьми, с которыми колонизаторы не входят в контакт. Даже сегодня в Соединенных Штатах, где вновь прибывшие вынуждены взаимодействовать с намного превосходящим их по численности американским населением, каждая группа иммигрантов сохраняет многие свои отличительные особенности. Например, в городе, где я живу — Лос-Анджелесе, — существует огромная разница в культурных ценностях, уровне образования, трудоустройстве и благосостоянии иммигрантов в первом поколении, приехавших из Вьетнама, Ирана, Мексики и Эфиопии. Различные группы иммигрантов по-разному и в разной степени адаптируются к американскому обществу, отчасти в зависимости от того, к какому образу жизни они привыкли у себя на родине. Викинги не стали исключением — их колонии на североатлантических островах были устроены по образу и подобию континентальной Скандинавии. Особо важными компонентами культурного наследия были знания о ведении сельского хозяйства и обработке железа, структура общества и религия.

Викинги видели себя в первую очередь не мореплавателями и воинами, а, скорее крестьянами. Земледелие и животноводство сильно повлияли на историю колоний. Видовой состав растений и животных остался тем же не только потому, что викинги перевезли их в Исландию и Гренландию, но и потому, что они имели свое место в системе ценностей викингов. Разные виды и разные способы ведения

сельского хозяйства имели разное значение: например, у фермеров американского Запада крупный рогатый скот ценился очень высоко, а козы — весьма низко. Проблемы начали возникать, когда методы ведения сельского хозяйства, усвоенные иммигрантами на родине, оказывались не соответствующими новым условиям обитания. Например, сейчас австралийцы задумываются над вопросом — не принесли ли овцы, привезенные первопоселенцами из Англии, больше вреда, чем пользы? Как мы увидим, аналогичное несоответствие между тем, что было уместно в прежних (скандинавских) и новых (гренландских) условиях, повлекло за собой тяжелые последствия для скандинавских колоний.

Прохладный климат Норвегии более способствовал животноводству, нежели земледелию. Домашний скот был представлен теми же пятью видами, которые оставались на протяжении тысячелетий основой сельского хозяйства Плодородного полумесяца и Европы: коровы, овцы, козы, свиньи и лошади. Из этих животных наиболее ценились свиньи, которых разводили на мясо, коровы — для производства молока и молочных продуктов (в частности, сыра) и лошади — как вьючный скот и показатель социального статуса. В норвежских сагах рассказывается, что воины после смерти попадают в Валгалл, где пируют вместе с богом Одином, вкушая не что иное, как мясо вепря. Гораздо менее престижным, но экономически не менее целесообразным было разведение овец и коз, которых разводили скорее для получения молока и шерсти, чем мяса.

Подсчет числа костей в раскопках фермы в Южной Норвегии, принадлежавшей, по всей видимости, главе клана, позволил определить относительное количество животных различных видов, мясо которых шло в пищу. Почти половина найденных костей принадлежала коровам, треть — высоко ценившимся свиньям и только пятая часть — овцам и козам. Можно предположить, что все честолюбивые вожди викингов, основывая хозяйство на новой земле, стремились соблю-

сти такое же соотношение между видами домашних животных. Действительно, при раскопках ранних поселений в Гренландии и Исландии обнаружены кости в тех же пропорциях. Однако в раскопках более позднего времени пропорция меняется, так как некоторые животные оказались менее приспособленными к гренландским и исландским условиям, чем другие: количество коров со временем уменьшилось, свиньи почти исчезли, зато поголовье овец и коз увеличилось.

Чем севернее в Норвегии расположена ферма, тем насущнее необходимость держать скот зимой в хлеву и кормить его. Пастись на лугах животные могут только летом. Поэтому викинги, которых мы считаем в первую очередь мореплавателями и воинами, большую часть лета и осени должны были не сражаться, покрывая себя славой, а оставаться дома, занимаясь такими прозаическими вещами, как косьба и заготовка сена.

В районах с достаточно мягким для земледелия и садоводства климатом викинги выращивали морозостойкие зерновые культуры, чаще всего ячмень. Другие культуры — овес, пшеница и рожь — имели меньшее значение, поскольку были менее морозостойкими; кроме того, скандинавы выращивали овощи — капусту, лук, горох и бобы; лен для изготовления одежды и хмель для пивоварения. С продвижением на север земледелие все больше уступало животноводству. Охота и рыбалка были существенным подспорьем в обеспечении белковой пищей — рыбы кости составляют не менее половины костей в раскопанных мусорных кучах. Викинги охотились на тюленей и других морских млекопитающих, на оленей и лосей, на мелких наземных млекопитающих, на морских птиц (в гнездовых колониях), на уток и других водоплавающих птиц.

Железные орудия, найденные в местах древних поселений викингов, свидетельствуют о том, что они изготавливали сельскохозяйственные орудия (плуги, лопаты, топоры и серпы); предметы домашнего обихода (ножи, ножницы, швейные иглы); гвозди, заклепки и другие скобяные изделия и, конечно, доспехи и оружие — мечи, копья, боевые топоры

и секиры. Обнаруженные археологами кучи шлака и ямы, в которых жгли древесный уголь, позволяют понять, как викинги получали металл. У них не было, как в современном мире, крупных предприятий, где металл обрабатывался бы в промышленном масштабе; при каждой ферме имелась своя кузница. Сырьем служил болотный железняк, распространенный в Скандинавии: это оксид железа, растворенный в воде озер и затем в кислой среде с бактериями, и осевший на дно. Если сейчас добывающие компании выбирают для разработки руду, содержащую 30–95% оксида железа, скандинавские кузнецы довольствовались рудами с содержанием оксида железа до 1%. Когда обнаруживали залежи такой “богатой” руды, ее сушили, нагревали до температуры плавления в печи, чтобы отделить железо от примесей, обрабатывали молотом и затем отковывали в желаемую форму.

При сжигании древесины невозможно достичь высокой температуры, которая требовалась для работы с железом. Сначала приходилось жечь дрова для образования угля. Проведенные в нескольких странах измерения показали, что для получения одного фунта древесного угля необходимо примерно четыре фунта древесины. Исходя из этой оценки и принимая во внимание очень низкое содержание железа в болотном железняке, можно заключить, что его добыча, изготовление и ремонт железных изделий требовали громадного расхода древесины, что стало ограничивающим фактором в истории освоения Гренландии.

Социальное устройство, модель которого викинги привезли с собой из Скандинавии, было иерархическим и предполагало наличие нескольких сословий: рабы, захваченные при набегах на чужие земли, свободные люди и знать. Большие королевства (в противоположность мелким образованиям, возглавляемым вождями, которые могли самочинно присваивать себе титул конунга, то есть короля) во время экспансии викингов только начинали формироваться на территории Скандинавии, и поселившиеся в колониях викинги впослед-

ствии должны были иметь дело с правителем Норвегии, а позднее — Дании. Однако колонисты уезжали с родины отчасти затем, чтобы не подпасть под власть норвежских конунгов, поэтому ни в Исландии, ни в Гренландии своих конунгов не было. Власть оставалась в руках военной аристократии. Только они могли позволить себе держать собственную лодку и полный набор видов скота, в том числе высоко ценившихся и дорогих в содержании коров. В число зависимых от вождя, помимо его слуг и сторонников, входили рабы, свободные наемные работники, арендаторы земель и свободные крестьяне.

Вожди соперничали друг с другом. Мирное соперничество выражалось в том, что вожди, стремясь перещегоолять друг друга, устраивали пиры и щедро одаривали сторонников. Средства для этого вожди добывали торговлей и набегами, кое-что давали собственные фермы. Но викинги были воинственными людьми; они сражались не только с другими народами, но и друг с другом. Побежденные в этих междоусобных битвах имели наибольший стимул для того, чтобы попытаться счастья за морем. Например, в 980 г. исландец Эйрик Рыжий был приговорен к изгнанию за убийство, в результате чего отправился в не исследованную еще Гренландию, куда впоследствии уговорил перебраться исландцев, обещая им лучшие для ведения сельского хозяйства условия.

Стратегические решения в обществе викингов принимали вожди, мотивация которых часто сводилась к тому, чтобы поднять свой престиж, даже в ущерб интересам общества — как своих современников, так и будущих поколений. Подобная ситуация уже была нами рассмотрена на примере вождей кланов на острове Пасхи и правителей майя (см. главы 2 и 5) и, как и в указанных случаях, привела общество гренландских викингов к упадку (глава 8).

В 800-х гг., когда началась экспансия викингов, скандинавы еще были язычниками и поклонялись богам, традиционным для германских религий, — в частности, богине плодородия Фрейе, богу грома и молнии Тору и богу войны Оди-

ну. Больше всего ужасало европейцев то, что викинги не были христианами и не соблюдали запретов, налагаемых христианской религией. Более того, они, казалось, получали особое удовольствие именно от нападения на христианские церкви и монастыри. Например, когда в 843 г. большая флотилия драккаров, опустошая все на своем пути, поднималась вверх по Луаре, захватчики начали кровавые подвиги еще в Нанте, расположенном в устье реки, — они захватили собор и убили епископа и всех священников. На самом деле у викингов не было особой страсти к разграблению храмов: церкви и монастыри являлись для них легкой добычей. Викинги так же охотно устраивали набеги на богатые торговые города, если им предоставлялась возможность.

Основав поселения в христианских странах, викинги были отнюдь не против женитьбы на местных девушках и с готовностью перенимали обычаи и религию. Переход викингов в христианство на чужбине способствовал проникновению и укреплению христианства в Скандинавии, так как вернувшиеся домой путешественники и воины привозили с собой сведения о новой религии, а вожди и конунги начинали понимать, какие политические преимущества может дать им христианство. Некоторые скандинавские вожди приняли христианство “неофициально”, еще до принятия его конунгами. Ключевыми этапами распространения христианства в Скандинавии стало официальное крещение Дании при Харальде I Синезубом (около 960 г.), Норвегии (955 г.) и Швеции (в течение следующего столетия).

Когда Норвегия начала принимать христианство, колонии викингов на Оркнейских, Шетландских и Фарерских островах, в Исландии и Гренландии последовали примеру метрополии. Отчасти это объяснялось тем, что у колонистов было очень немного собственных судов и они зависели от Норвегии, да и в целом понимали, что не смогут оставаться язычниками после принятия Норвегией христианства. Конунг Олаф I, крестившись, запретил своим подданным торговать

с языческой Исландией, захватывал в плен исландцев, оказавшихся в Норвегии (в том числе родственников главных жрецов), и угрожал искалечить или убить заложников, если Исландия не примет христианство. Собравшись в 999 г. на тинг, исландцы решили признать неизбежность свершившегося и объявили себя христианами. Считается, что приблизительно в этом же году Лейф Эйрикссон — сын Эйрика Рыжего, который основал гренландскую колонию, — познакомил с новой религией жителей далекого острова.

Христианские церкви, построенные в Исландии и Гренландии после 1000 г., не были независимыми организациями, владеющими собственной землей и зданиями, как современные церкви. Тогда самые богатые и знатные землевладельцы и вожди кланов строили церкви на своей земле и имели право забирать часть церковной десятины, которую платили прихожане. (Это как если бы, например, вождь клана заключил с “Макдоналдс” соглашение, по которому он получал монопольное право на торговлю в своем районе, построил бы соответствующее заведение и завез бы товары, отвечающие единым стандартам качества “Макдоналдс”. Часть прибыли он оставлял бы себе, а остальное отсылал руководству компании — в данном случае папе римскому через архиепископа Нидароса — так прежде назывался Тронхейм.) Естественно, католическая церковь стремилась сделать церкви независимыми от владельцев церковных земель и зданий. В 1297 г. католической церкви удалось заставить землевладельцев передать земли и сами здания во владение епископа. Не осталось каких-либо письменных свидетельств того, что нечто подобное произошло в Гренландии, но признание Гренландией власти Норвегии в 1261 г., вероятно, привело к усилению давления на владельцев церковных земель на острове. Мы знаем, однако, что в 1341 г. епископ Бергена послал в Гренландию наблюдателя по имени Ивар Бардарссон, который вернулся в Норвегию с подробным перечнем и описанием гренландских церквей. Это позволяет предположить, что епископат пытался жесто-

читать контроль над гренландскими “дочерними предприятиями” так же, как и над исландскими.

Переход в христианство означал огромный культурный скачок для скандинавских колоний. Признание христианства как единственно истинной религии означало отказ от языческих традиций. Искусство и архитектура в колониях стали следовать христианским образцам. В колониях строили церкви и даже соборы такого же размера, как в гораздо более населенной материковой Скандинавии, то есть (с учетом гораздо меньшего количества прихожан, силами которых строились эти здания) очень большие. Жители колоний восприняли христианство всерьез и отсылали в Рим десятину. Сохранились записи 1282 г. о сборе десятины (бивни моржей и шкуры белых медведей, а не деньги), а также расписка папы римского о получении десятины из Гренландии за шесть лет. Церковь в Гренландии стала основным проводником европейской культуры — в немалой степени потому, что епископы не были коренными гренландцами, а приезжали с материка.

Возможно, наиболее важным следствием перехода колоний викингов в христианство стало изменение их самооощущения. Белые жители Австралии после основания там колонии в 1788 г. продолжали считать себя британцами и еще в 1915 г. охотно отдавали свои жизни, сражаясь на стороне Британии против Турции в войне, никак не связанной с национальными интересами Австралии. Аналогично викинги, жившие в североатлантических колониях, считали себя европейцами. Они следовали континентальным веяниям в церковной архитектуре, перенимали европейские погребальные обряды и единицы измерения. Это единство культурного облика помогало тысячам гренландцев переносить тяготы и поддерживать друг друга в суровых условиях в течение четырех столетий. Как мы увидим, оно также помешало им перенять от инуитов навыки выживания в этих суровых условиях и, в целом, так изменить уклад жизни, чтобы община существовала и далее.

Шесть колоний викингов на североатлантических остро-

вах — это шесть экспериментов по выживанию, поставленных одновременно на шести обществах, происходящих от одного древнего корня. Как я упоминал в начале этой главы, результаты экспериментов оказались различными. Колонии на Оркнейских, Фарерских и Шетландских островах просуществовали больше тысячи лет, причем ни разу их выживанию ничто всерьез не угрожало. Колония в Исландии прошла тяжелые испытания. Поселения викингов в Гренландии обезлюдели через 450 лет. Винланд был покинут скандинавами еще до истечения первого десятилетия. Результаты обусловлены различными условиями окружающей среды. Четырьмя основными параметрами, определившими разные результаты, можно считать следующие: расстояние от Норвегии или Британии; взаимоотношения с другими обитателями островов (если они там были), возможность заниматься сельским хозяйством — это зависит от географической широты и местного климата; уязвимость окружающей среды, особенно подверженность эрозии почвы и обезлесению.

Имея только шесть экспериментов и четыре параметра, определяющие их результаты, мы, конечно, не можем надеяться проследить причины происшедшего, как сделали в отношении тихоокеанского региона, где у нас был восемьдесят один эксперимент и девять параметров. Чтобы статистический корреляционный анализ дал осмысленный результат, необходимо иметь гораздо больше независимых экспериментов, чем параметров, определяющих их результаты.

Соответственно, когда речь шла о Тихом океане, где островов так много, с помощью только статистического анализа можно было определить относительную значимость независимых параметров. “Естественных экспериментов” в Северной Атлантике недостаточно для решения подобной задачи. Специалист по статистике, которому предоставили бы только эти данные, заявил бы, что такая задача не имеет решения. Эта проблема часто встречается при попытках применить сравнительный метод к истории: очевидно, что в действительности

имеется слишком много независимых параметров и слишком мало результатов, чтобы можно было определить относительную значимость параметров статистическими методами.

Но историки знают о цивилизациях гораздо больше, чем просто исходные условия окружающей среды и конечные результаты “эксперимента по выживанию”: у них также имеется множество данных о последовательности шагов, ведущих к результату. Например, исследователи колоний викингов могут проверить свои предположения о значимости длины морского пути подсчетом количества рейсов, о которых до нас дошли свидетельства, и выяснения состава перевозимых грузов. Роль враждебных отношений с местными жителями можно прояснить, используя исторические записи о сражениях между викингами и туземцами. О пригодности земель для сельского хозяйства можно узнать, выяснив, какие растения выращивали колонисты и каких животных разводили. Уязвимость окружающей среды можно определить по историческим свидетельствам обезлесения и эрозии почвы (с помощью, например, подсчета количества пыльцы и окаменелых растений) и по содержанию древесины и других строительных материалов в остатках зданий. Используя эти знания о промежуточных ступенях и помня о достигнутых результатах, мы можем проследить историю пяти из шести колоний викингов, в порядке увеличения изолированности и уменьшения достатка: Оркнейских, Шетландских, Фарерских островов, Исландии и Винланда. Подробному обсуждению судьбы колонии викингов в Гренландии мы посвятим следующие две главы.

Оркнейские острова — архипелаг, лежащий рядом с северным побережьем Британии. В его центре расположена большая удобная гавань Скапа-Флоу, служившая базой британского ВМФ во время обеих мировых войн. От Джон-О’Гроутс, самой северной точки Шотландии, до ближайшего из Оркнейских островов всего одиннадцать миль, а от Оркнейских островов до Норвегии — не более двадцати четырех часов хода на драккаре. Такое географическое положение уп-

рощало как сам процесс заселения островов, так и завоз всего необходимого из Норвегии или с Британских островов, а также позволяло, не входя в расходы, вывозить на продажу товары. Оркнейские острова — так называемые континентальные, по сути, являющиеся частью Британского архипелага, которые отделились от Британии только после подъема уровня воды в результате таяния ледников в конце ледникового периода около четырнадцати тысяч лет назад. Поэтому там обитают многие наземные млекопитающие, которые попали на Оркнейские острова с Британского архипелага по исчезнувшей впоследствии перемычке; в частности, благодаря этому викинги на Оркнейских островах могли охотиться на благородного оленя, выдру и зайца. Воинственные пришельцы из Скандинавии быстро подчинили себе местное население — пиктов.

Обитатели самой южной, к тому же омываемой теплым Гольфстримом, из североатлантических колоний (за исключением Винланда) пользовались преимуществами мягкого климата. Плодородные тяжелые почвы, обновленные оледенением, были мало подвержены эрозии. Поэтому земледелие на Оркнейских островах, практиковавшееся уже пиктами до появления викингов, с успехом было продолжено последними и остается весьма продуктивным до нынешнего времени. В наши дни Оркнейские острова экспортируют говядину и яйца, сыр и некоторые зерновые культуры.

Викинги захватили Оркнейские острова около 800 г., использовали их как базу для набегов на Британию и Ирландию и основали богатую и сильную колонию, которая в течение некоторого времени была независимым государством. Одно из свидетельств богатства оркнейской колонии викингов — клад с семнадцатью фунтами серебра, датированный приблизительно 950 г.; ни на одном из североатлантических островов не обнаружено ничего подобного, и только клады материковой Норвегии могут конкурировать с ним. Другим доказательством является собор Святого Магнуса, возведенный

в XII в. по образцу величественного Даремского собора в Англии. В 1472 г. Оркнейские острова мирным путем перешли от Норвегии (которая тогда была в подчинении у Дании) к Шотландии, по тривиальным причинам династической политики (король Шотландии Иаков III, женившийся на датской принцессе, потребовал компенсацию за обещанное, но невыплаченное приданое). Находясь под властью Шотландии, жители Оркнейских островов продолжали до XVIII в. говорить на норвежском диалекте. Сегодня потомки пиктов и викингов, живущие на Оркнейских островах, по-прежнему являются богатыми фермерами, а добыча нефти в Северном море еще увеличила их благосостояние.

Кое-что из сказанного об Оркнейских островах может быть отнесено и к другой североатлантической колонии викингов — Шетландским островам. Они были заселены пиктами-земледельцами, захвачены викингами в IX в., переданы Шотландии в 1472 г., после чего их обитатели еще некоторое время говорили на норвежском языке и также в последнее время разбогатели благодаря добыче нефти в Северном море. Разница заключается в том, что Шетландские острова расположены дальше от Британских. Они лежат на пятьдесят миль севернее Оркнейских островов и на сто тридцать — севернее побережья Шотландии. Там ветры сильнее, почвы менее плодородны, а урожаи беднее. Выращивание овец и производство шерсти было основным источником благосостояния и на Оркнейских, и на Шетландских островах, но попытка разведения крупного рогатого скота на Шетландских островах потерпела неудачу, что привело к увеличению роли рыболовства.

Следующими по степени удаленности после Оркнейских и Шетландских являются Фарерские острова, расположенные в двухстах милях к северу от Оркнейских и в четырехстах милях западнее побережья Норвегии. Такое расположение делало Фареры достижимыми для драккаров, перевозивших колонистов и товары для торговли, но недоступными для судов

более ранней эпохи. Поэтому в момент прибытия викингов Фарерские острова были необитаемы — за исключением, возможно, нескольких отшельников из Ирландии, о существовании которых имеются смутные предания, не подкрепляемые, однако, археологическими свидетельствами.

Расположенные в трехстах милях к югу от Полярного круга на широте, проходящей посередине между двумя крупнейшими городами западного побережья Норвегии — Бергеном и Тронхеймом, — Фарерские острова характеризуются мягким морским климатом, но они расположены севернее Шетландских и Оркнейских островов. Это означает более короткий вегетативный период, что имеет значение для земледельцев и пастухов. Сильные ветры разносят соленую водяную пыль по всем уголкам архипелага, препятствуя росту леса. Изначально растительность острова была представлена ивняком, можжевельником и низкорослыми березами и осинами, которые вскоре вырубил первопоселенцы и вытоптали овцы. В более сухом климате такая ситуация привела бы к эрозии почвы, но климат на Фарерских островах очень влажный, с обилием туманов, и среднее количество дождливых дней в году — 280, причем почти каждый день дождь идет несколько раз. Кроме того, сами жители принимали меры к тому, чтобы свести эрозию почвы к минимуму — строили заграждения и террасы для предотвращения вымывания и выдувания почвы. Викинги-колонисты достигли в Исландии и Гренландии меньшего успеха, но не потому, что были менее осмотрительны, а потому, что характер почв Исландии и особенности климата Гренландии намного увеличивают риск почвенной эрозии.

Викинги заселили Фарерские острова в IX в. Из зерновых культур им удавалось выращивать только ячмень; даже сейчас для выращивания картофеля и других овощей используется только 6% территории. В течение первых двухсот лет колонистам пришлось отказаться от разведения коров, свиней и даже коз из-за опасности выбивания скотом пастбищ. Эконо-

мика Фарерских островов в результате сконцентрировалась на овцеводстве и экспорте шерсти, к которой позже прибавилась соленая рыба, а в наше время — сушеная треска, палтус и семга (выращиваемая на рыбозаводах). В обмен на рыбу и шерсть островитяне ввозили из Норвегии и Британии множество необходимых вещей, которые отсутствовали или имелись на островах в недостаточном количестве: в первую очередь огромное количество лесоматериалов, так как на самих островах единственным видом древесины, пригодным для строительных нужд, был плавняк. Кроме того, приходилось завозить отсутствующее на островах железо и другие материалы — например, камни для точил, жерновов и мыльный камень, из которого (а не из глины) изготавливали посуду.

Что касается истории Фарерских островов после заселения, то островитяне приняли христианство в начале XI в., примерно тогда же, когда это произошло и в других колониях викингов. Несколько позднее был построен готический собор. В XI в. острова признали себя территорией Норвегии. В 1380 г., когда сама Норвегия перешла под власть датской короны, вместе с норвежцами островитяне стали подданными Дании. В 1948 г. Фарерские острова, оставаясь формально датской территорией, получили право местного самоуправления. 47 тысяч жителей сегодня по-прежнему говорят на фарерском языке, непосредственно происходящем от древнескандинавского и очень похожем на современный исландский; фарерцы с исландцами могут понимать друг друга и читать тексты на древнескандинавском.

Коротко говоря, Фарерские острова были избавлены от трудностей, с которыми боролись исландская и гренландская колонии: подверженные эрозии почвы и вулканическая активность в Исландии, короткий вегетационный период, сухой климат, большие расстояния и враждебное местное население в Гренландии. Хотя Фарерские острова более изолированы, чем Оркнейские или Шетландские, и обладают меньшими ресурсами, чем, например, Оркнейские, их обита-

тели все же смогли выжить — в основном за счет активного импорта необходимых материалов (того, чего были лишены гренландцы).

Целью моей первой поездки в Исландию было участие в конференции, финансируемой НАТО, по вопросам восстановления окружающей среды. Выбор Исландии как места проведения конференции был не случаен, так как человек навредил окружающей среде Исландии больше, чем где-либо еще в Европе. С начала заселения острова большая часть аборигенных видов растений была уничтожена, а приблизительно половина почв смыта в океан. В результате большие части территории Исландии, которые были покрыты растительностью в момент высадки викингов, сейчас представляют собой безжизненные пустыни коричневого цвета, без зданий, дорог или других признаков человеческого присутствия. Когда НАСА искало место на Земле, больше всего напоминающее поверхность Луны, чтобы космонавты, собирающиеся на Луну, могли получить представление о том, что их ожидает, выбор пал на когда-то зеленую Исландию, ставшую бесплодной пустыней.

Четыре стихии, определившие облик Исландии, — вулканический огонь, вода, ветер и лед. Исландия расположена в Северной Атлантике, приблизительно в шестиста милях к западу от Норвегии, на Среднеатлантическом хребте. В этом месте сходятся Североамериканская и Евразийская тектонические плиты и время от времени в результате извержения подводных вулканов возникают новые острова, из которых самым большим является Исландия. В среднем раз в десять–двадцать лет происходит извержение хотя бы одного из исландских вулканов. Помимо вулканов, в Исландии так много горячих источников и геотермальных зон, что большая часть страны (в том числе столица Рейкьявик) обогревается дома не сжиганием горючих полезных ископаемых, а за счет вулканического тепла. Второй элемент, формирующий исландский ландшафт, — лед, который покрывает большую

часть внутреннего плато Исландии (высшая точка — 2119 м над уровнем моря) и лежащего около Полярного круга, что предопределяет достаточно холодный климат. Дождь и снег попадают в океан вместе с кусками льда, откалывающимися от ледников, с водой стекающих с плато рек, которые время от времени выходят из берегов, или стремительных потоков, образующихся при переполнении вулканических озер или резком таянии льда в случае извержения вулкана, скрытого под ледяной коркой. Наконец, в Исландии дуют сильные ветры. Взаимодействие вулканов, льда, воды и ветра сделало почвы Исландии подверженными эрозии в весьма значительной степени.

Когда викинги поселились в Исландии, вулканы и горячие источники были для них в новинку — ничего подобного они не видели ни у себя на родине в Скандинавии, ни в Англии; но все остальное было им знакомо и позволяло чувствовать себя как дома. Почти все растения и животные принадлежали к знакомым европейским видам. Низины, в основном покрытые низким березовым и ивовым криволесьем, было легко расчищать под пастбища. На этих участках, а также на безлесных травяных болотах и альпийских лугах, расположенных выше зоны леса, первопоселенцы обнаружили пышную растительность — травы, злаковые и мох, — идеально подходящую для выпаса скота. Почва была плодородна (в некоторых местах толщина плодородного слоя составляла полтора метра). Несмотря на покрывающие плато ледники и расположение у Полярного круга, климат Исландии достаточно мягок благодаря теплему Гольфстриму, так что в южной части острова можно было выращивать ячмень. Озера, реки и море кишели рыбой и ранее никогда не видевшими человека морскими птицами и утками; на побережье жили непуганые моржи и тюлени.

Но внешнее сходство Исландии с Юго-Западной Норвегией и Британскими островами было обманчивым в трех отношениях. Во-первых, высокоширотное положение Ислан-

дии (остров лежит несколькими сотнями миль севернее основных норвежских сельскохозяйственных угодий на юго-западе этой страны) обусловило более холодный климат и менее продолжительный вегетационный период и, следовательно, более рискованное земледелие. С наступлением глобального похолодания в конце Средних веков исландцы вынуждены были отказаться от выращивания зерновых и полностью переключиться на скотоводство. Во-вторых, вулканический пепел, разбрасываемый во время извержений, портил пастбища. Неоднократно на протяжении истории Исландии такие извержения вызывали голод; наиболее тяжелые последствия вызвало извержение вулкана Лаки в 1783 г., после которого более пятой части населения Исландии умерло от голода.

Наиболее серьезный комплекс проблем, однако, был связан с недооцененным первопоселенцами различием между незнакомыми неустойчивыми почвами Исландии и устойчивыми почвами Норвегии и Британских островов. Первопоселенцы не могли оценить эти различия отчасти потому, что суть некоторых из них не вполне улавливают даже современные почвоведы, а также потому, что одно из этих различий незаметно, и требуются годы, чтобы его разглядеть. Дело в том, что в Исландии почвы формируются гораздо медленнее и разрушаются гораздо быстрее, чем в Норвегии и на Британских островах.

На самом деле, когда первопоселенцы увидели плодородные и лежащие толстым слоем (по крайней мере, местами) почвы Исландии, они пришли в такой же восторг, какой охватил бы современного человека, унаследовавшего банковский счет с большим положительным остатком. Новоиспеченный богач предположил бы, что проценты по вкладам обычные и что этот счет ежегодно будет приносить ему доход. К сожалению, хотя исландские почвы и растительность были отрадой для глаз — подобно крупной сумме на счету, — этот капитал накапливался в течение очень долгого

времени (как средства на счету при очень низких процентах) — с конца последнего ледникового периода. Исландцы в конце концов обнаружили, что они живут не на ежегодные проценты с капитала, а растрачивают богатства, накопленные за десять тысяч лет. Большая часть этих ресурсов была израсходована в течение нескольких десятков лет, какие-то — и вовсе за год. К сожалению, исландцы не практиковали устойчивое землепользование (при котором ресурсы используются не интенсивнее, чем успевают восстанавливаться), а эксплуатировали почвы и растительность подобно тому, как добывающие предприятия эксплуатируют месторождения минеральных ресурсов, которые восстанавливаются предельно медленно.

Что же делает почвы Исландии столь уязвимыми для внешнего воздействия и почему они так медленно восстанавливаются? Основная причина связана с их происхождением. В Норвегии, современной Великобритании и Гренландии, в течение последних сотен лет не знавших вулканической активности и полностью покрытых льдом в ледниковый период, тяжелые почвы сформировались либо в результате поднятия на поверхность морских глин, либо в ходе перемалывания ледником подстилающих пород и переноса образовавшихся частиц, которые впоследствии, при таянии ледника, выпали в осадок. Однако в Исландии частые извержения вулканов выбрасывали в воздух пепел — мельчайшие частицы, переносимые ветром и оседавшие на территории острова. Так сформировался слой пепла (тефра), легкого, как тальк. Эта богатая, плодородная почва вскоре покрылась пышной растительностью, которая стала защищать ее от эрозии. Но когда растительность была уничтожена (овцами, которые ее вытаптывали, и фермерами, которые ее выжигали), почва, состоящая из вулканического пепла, оказалась беззащитной. Поскольку пепел практически невесом, ветер уносил его с той же легкостью, с какой когда-то принес. Помимо ветровой эрозии, имела место и водная — характерные для Исландии сильные дож-

ди и частые наводнения смывали обнажившуюся почву, особенно с крутых склонов.

Другие причины уязвимости исландских почв связаны с уязвимостью здешней растительности. Растительность обычно защищает почву — укрывает от внешних воздействий и служит источником органических веществ, которые цементируют почву и увеличивают ее объем. Но в Исландии, из-за ее географического положения, холодного климата и короткого вегетационного периода, все растет медленно. Сочетание уязвимых почв с медленной вегетацией создает механизм положительной обратной связи: после того как защитный слой растительности уничтожается овцами или хозяйствующими фермерами, начинается эрозия почвы, растениям становится еще труднее существовать и обеспечивать защиту почвы, и эрозия распространяется все шире.

Заселение Исландии началось не ранее 870 г. и к 930 г., когда почти вся земля, пригодная для ведения сельского хозяйства, была заселена или распределена, фактически завершилось. Многие поселенцы прибыли из Западной Норвегии или с Британских островов, где успели обзавестись женами, происходившими из кельтских племен. И те, и другие попытались воспроизвести в Исландии знакомый им тип хозяйствования — скотоводство, основанное на разведении тех же пяти видов скота, из которых овцы в конце концов стали самыми многочисленными. Из овечьего молока делали масло, сыр и скир — нечто среднее между йогуртом и творогом. Рацион исландцев дополняли дичь и рыба, о чем мы знаем благодаря дотошности археологов, рассортировавших сорок семь тысяч костей, обнаруженных при раскопках древних мусорных ям. Колонии моржей очень быстро были истреблены. Резко снизилась численность морских птиц, гнездящихся на острове, и охотники переключились на тюленей. В итоге главным источником белка, добываемого в дикой природе, стала рыба: имеющиеся в изобилии в озерах и реках форель, семга и голец, треска и пикша в море вдоль побережья. Треска и пик-

ша сыграли важнейшую роль в выживании исландцев во время “малого ледникового периода” и в развитии экономики современной Исландии.

В момент появления викингов четверть поверхности острова была покрыта лесом. Поселенцы сводили лес, расчищая земли под пастбища, использовали древесину для отопления, строительства и изготовления древесного угля. Приблизительно 80% исходного лесного покрова было сведено в течение нескольких первых десятилетий, а 96% оставшегося исчезло уже в наше время. Таким образом, сейчас леса в Исландии занимают 1% исходно покрытой лесом территории (ил. 16). Большие обожженные колоды найдены в местах раскопок, относящихся к раннему периоду заселения острова. Эти находки свидетельствуют о том, что (каким бы невероятным это ни казалось) большую часть древесины при расчистке пастбищ исландцы выбрасывали или попросту сжигали, не задумываясь о том, что для их далеких потомков нехватка древесины станет головной болью. Когда леса были сведены, выпас овец и имевшихся сначала свиней на образовавшихся пустошах препятствовал регенерации леса. Проезжая по Исландии сегодня, с удивлением замечаешь, что немногие имеющиеся группы деревьев, как правило, огорожены — изгородь защищает их от овец.

Для поселенцев особенно привлекательными оказались луга выше зоны леса, на которых для создания пастбищ не приходилось даже вырубать деревья и где богатый травяной ковер покрывал плодородные, но маломощные почвы. Альпийские луга были еще уязвимее, так как климат там более холодный и сухой и, следовательно, скорость возобновления растительного покрова, лишенного к тому же защиты деревьев, еще меньше. После того как первоначальный растительный покров альпийских лугов был вытоптан овцами, почва — тот же вулканический пепел — оказалась открыта всем ветрам и, соответственно, подвержена эрозии. Кроме того, стекающая во время дождей или таяния снега вода начала размывать

обнажившуюся почву, образуя вымоины и овраги. Но с увеличением глубины оврагов и понижением уровня подземных вод склоны высыхали и становились подвержены ветровой эрозии. Вскоре после появления викингов почвы Исландии начали смываться с альпийских лугов в низины и дальше в море. Возвышенности быстро лишились и почвы, и растительности, бывшие луга превратились в антропогенные (точнее, “овцегенные”) пустыни, а затем большие выветренные территории начали заболачиваться.

Сегодня нам приходится задаваться вопросом: почему эти глупые поселенцы делали ужасные ошибки? Неужели они не понимали, что может произойти? Да, в конце концов они поняли, но сначала их непонимание было естественным — они столкнулись с неожиданно трудной задачей организации землепользования. За исключением вулканов и горячих источников, Исландия выглядела похожей на Норвегию и Британские острова, откуда прибыли первопоселенцы. У них не было оснований предполагать, что почвы и растительность Исландии уязвимее, чем те, к которым они привыкли. Им казалось вполне естественным осваивать альпийские луга под пастбища и устраивать на них выпас больших стад — как на холмах Шотландии; откуда им было знать, что в Исландии луга не могут долго служить пастбищами и даже низины не в состоянии долго выдерживать такое воздействие? Причина, по которой Исландия стала европейской страной с наиболее нарушенной природной средой, не в том, что прежде осмотрительные иммигранты из Норвегии и Британии, вступив на исландский берег, вдруг утратили благоразумие, а в том, что они оказались в обманчиво богатой и уязвимой природной среде, для жизни в которой их опыта оказалось мало.

Когда исландцы поняли, что происходит, они перестали выбрасывать древесину, держать свиней и коз, которые нанесли наибольший вред окружающей среде, и в основном прекратили использовать в сельскохозяйственных целях альпийские луга. Соседи совместно принимали решения относи-

тельно действий по предотвращению эрозии, например, ежегодно весной определяли время, когда трава уже выросла настолько, чтобы выпускать овец на общинные высокогорные пастбища, где стада паслись все лето, а осенью решали, когда приводить их обратно. Фермеры стремились договориться о максимальном количестве овец, которое можно без вреда выпасать на общинном пастбище, и решали, как распределять это максимально допустимое количество между хозяйствами.

Такой способ принятия решений позволял быстро реагировать на изменения окружающей среды, но все же был недостаточно гибким. Даже мои друзья-исландцы описывают нынешнее исландское общество как консервативное. После того как в 1397 г. Исландия попала под власть Дании, датские правители, искренне пытаясь что-то улучшить в жизни подданных, постоянно сталкивались с их отрицательным отношением к любым переменам. В длинный список новшеств, которые датчане пытались внедрить в Исландии, входят выращивание зерна, усовершенствование рыболовных сетей, ловля рыбы с палубных (а не открытых) судов, засолка (а не высушивание) рыбы, изготовление веревок, дубление шкур и добыча серы — все это не для собственного употребления, а на экспорт. На эти и другие предложения датчан (и некоторых прогрессивных исландцев), подразумевавшие какие-либо перемены, следовал один и тот же ответ — “нет”, независимо от сулимых выгод.

Мои друзья-исландцы считают, что этот консерватизм можно понять, если учесть уязвимость природной среды Исландии. За долгую историю исландцы привыкли к тому, что все новшества с гораздо большей вероятностью ухудшают, чем улучшают жизнь. В течение первых лет освоения Исландии поселенцы смогли создать более или менее эффективную социально-экономическую систему. Несомненно, при этом большая часть населения оставалась бедной, время от времени люди погибали от голода, но, по крайней мере, общество было способно выжить. Другие эксперименты, проводимые ис-

ландцами в разные моменты их истории, оканчивались катастрофически. Свидетельства этих катастроф всегда были перед глазами жителей острова — брошенные фермы, обезображенные эрозией территории вокруг сохранившихся ферм и “лунный пейзаж” предгорий и горных склонов. Накопленный исландцами опыт говорил: “Мы не можем себе позволить такую роскошь, как эксперименты. Мы живем в уязвимой природной среде; мы знаем, что наш образ жизни позволит выжить хотя бы кому-то из нас; не навязывайте нам перемен”.

Политическую историю Исландии с 870 г. можно описать довольно лаконично. В течение нескольких сотен лет Исландия была самостоятельным государством, пока в первой половине XIII в. не начались междоусобные войны между вождями, принадлежавшими к пяти основным кланам. В результате много людей погибло, много ферм было сожжено. В 1262 г. исландцы попросили конунга Норвегии управлять Исландией, мотивировав просьбу тем, что далекий конунг будет представлять меньшую опасность, давать больше свободы и, вероятно, не ввергнет страну в такой хаос, как местные вожди.

Браки между царствующими домами Скандинавии привели к тому, что Дания, Швеция и Норвегия в 1397 г. объединились под властью одного правителя, интересы которого были сосредоточены на Дании, в то время самой богатой из трех стран. Исландия и Норвегия интересовали его в последнюю очередь. В 1874 г. Исландия стала в некоторой степени самоуправляемой, получила автономию в 1904 г. и независимость от Дании — в 1944 г.

С конца Средних веков благосостояние Исландии основывалось на экспорте вяленой рыбы, которая пользовалась спросом в растущих городах континентальной Европы. Поскольку в самой Исландии не было высоких деревьев для постройки больших судов, для ловли и вывоза рыбы исландцам приходилось пользоваться судами, принадлежавшими норвежцам, англичанам, немцам, а также французам и датчанам.

В начале XX в. исландцы начали строить собственный флот, что привело к быстрому развитию рыболовства. К 1950 г. более 90% суммарного экспорта Исландии составляли рыба и морепродукты. Уже в 1923 г. городское население Исландии превзошло по численности сельское. Сейчас Исландия — самая урбанизированная из скандинавских стран, половина ее населения проживает в столице Рейкьявике. Приток населения из сельских районов в города продолжается, исландские фермеры покидают фермы или превращают их в летние дома, отправляясь в город за заработком, кока-колой и культурой.

Современная Исландия, когда-то беднейшая страна Европы, благодаря изобилию рыбы, развитой геотермальной и гидроэнергетике, а также тому, что корабли теперь строят из металла, а не дерева, стала одной из самых богатых стран мира. Ее история — история потрясающего успеха, в противоположность историям гибели цивилизаций, рассмотренным в главах 2–5. Халлдор Лакснесс — лауреат Нобелевской премии по литературе — вложил в уста героини своего романа “Салка Валка” бессмертную фразу, которую мог произнести только исландец: “В конечном счете, жизнь — это в первую очередь соленая рыба”. Но промышленное рыболовство требует решения столь же трудных задач управления ресурсами, как и лесопользование или земледелие. Сейчас исландцы усердно трудятся, чтобы восполнить ущерб, нанесенный лесам и почвам, который нанесли их предки, и стараются предотвратить подобные проблемы в рыболовецкой отрасли.

После краткого экскурса в историю Исландии можно попытаться понять, в каком отношении она находится к остальным пяти колониям викингов. Выше я говорил, что различие в судьбах колоний более всего зависело от расстояния по морю до Европы, сопротивления аборигенов, возможности вести сельское хозяйство и уязвимости природной среды. В случае Исландии по двум из этих параметров ситуация была благоприятной, а по двум другим — нет. Преимуществом для

викингов было то, что на острове изначально не было (практически не было) других обитателей и что расстояние по морю от Европы до Исландии не слишком велико (больше, чем до Шетландских, Оркнейских или Фарерских островов, но меньше, чем до Гренландии или Винланда). Это делало возможной перевозку объемных грузов даже на средневековых судах. В отличие от гренландцев, исландцы всегда оставались связанными с Норвегией и Британией, между островом и континентом ежегодно курсировали суда, которые доставляли в Исландию большие партии необходимых товаров (особенно лес, железо, иногда — гончарные изделия) и забирали экспортные продукты. Именно экспорт сушеной рыбы оказался решающим фактором, спасшим исландскую экономику в XIV в.; но для более отдаленной Гренландии, морские пути к которой из Европы часто оказывались прегражденными айсбергами, этот рецепт был бесполезен.

Если говорить о неблагоприятных факторах, географическое расположение Исландии обусловило ее малую пригодность для сельского хозяйства, — из всех скандинавских колоний в худшем положении была только Гренландия. От выращивания ячменя, для которого земли Исландии были непригодными даже в относительно теплый период начального заселения, с наступлением глобального похолодания в начале Средних веков пришлось отказаться. Даже животноводство — разведение овец и коров — в более холодные годы для бедной части населения оказывалось экономически нецелесообразным. Тем не менее, оставалось овцеводство, которое почти ежегодно приносило неплохой доход за счет экспорта шерсти — доминантной составляющей исландской экономики в течение первых нескольких столетий после заселения. Самая большая проблема Исландии заключалась в ее экологической уязвимости: здешние почвы намного менее устойчивы, чем во всех других скандинавских колониях, а в отношении уязвимости растительного мира Исландию опережала только Гренландия.

Как на историю Исландии повлияли пять факторов: экологическая катастрофа, вызванная деятельностью общества, изменение климата, вражда с другими обществами, отношения с торговыми партнерами, культурные стереотипы? Четыре из пяти факторов повлияли на историю острова: исландцы были избавлены только от враждебных соседей. Исландия представляет собой хорошую иллюстрацию действия остальных четырех факторов. Судьба обрекла исландцев на жизнь в условиях, осложненных экологическими проблемами, которые усугубились в результате глобального похолодания во время “малого ледникового периода”. Торговля с Европой позволила Исландии выжить. Реакция исландцев на эти вызовы определялась их культурными ценностями и стереотипами. Некоторые из этих ценностей и установок были унаследованы от предков. Со временем исландцы в поиске способов решения этих проблем изменили первоначальные установки: они отказались от разведения свиней и коз и уменьшили поголовье коров, стали следить за хрупким экологическим равновесием острова и по всем вопросам придерживались консервативных позиций. Этот консерватизм приводил в замешательство датских правителей и в некоторых случаях, возможно, вредил самим исландцам, но в итоге позволил им выжить.

Сегодня исландское правительство обеспокоено эрозией почв и выбиванием пастбищ. Создано министерство, занимающееся вопросами восстановления почв, лесов и другой растительности, а также регулированием поголовья овец. В Исландии я видел расположенные выше зоны леса засеянные поляны в мертвом лунном пейзаже — попытка восстановить, хотя бы частично, защитный растительный покров и предотвратить дальнейшее развитие эрозии. Эти тонкие зеленые полоски выглядят жалко — как робкая попытка противостоять грозной, неумолимой беде. Но все же исландцам удалось добиться кое-каких успехов.

Почти во всем мире мои друзья-археологи ведут неравную борьбу в попытках убедить правительства, что их работа

действительно имеет практический смысл. Они пытаются доказать различным фондам, что изучение судеб древних цивилизаций может помочь понять, что ждет общества, которые живут в этих местах сегодня. Они объясняют, что экологические катастрофы могут произойти и в будущем, поэтому мы можем использовать эти знания, чтобы не повторять те же ошибки. Большинство правительств игнорирует эти обращения. Но в Исландии, где эрозия почв начала проявляться 1130 лет назад, где большая часть растительности и половина почвы уже утрачены и где прошлое напоминает о себе непрестанно и настойчиво, правительство настроено иначе. Сейчас проводятся многочисленные исследования средневековых исландских поселений, идет изучение динамики эрозии почвы. Когда один из моих друзей-археологов обратился за финансированием в правительство Исландии и приготовился давать длинные пояснения, необходимые в подобных случаях в других странах, он сразу же получил ответ: “Да, мы понимаем, что изучение динамики эрозии почв в Средние века поможет решить наши сегодняшние проблемы. Мы уже в курсе, не нужно тратить время на то, чтобы нас в этом убеждать. Вот деньги, приступайте к исследованиям”.

Краткий период существования Винланда, самой отдаленной колонии викингов в Северной Атлантике, — это отдельная интересная история. Будучи первой попыткой европейцев колонизировать Америку — за пять столетий до Колумба, — высадка викингов в Винланде стала предметом романтических теорий и многочисленных литературных произведений. В контексте данной книги самые важные уроки, которые следует извлечь из истории Винланда, — это причины его исчезновения.

Северо-восточное побережье Северной Америки, на котором высадились первые викинги, лежит в тысячах миль от Норвегии, по другую сторону Атлантического океана. Все суда, направлявшиеся в Северную Америку, стартовали из западного скандинавского форпоста — из Гренландии. Но и путь от

Гренландии до Северной Америки, по меркам мореходства того времени, даже для викингов был очень далеким. Расстояние от основного поселения викингов в Ньюфаундленде до гренландских колоний составляло почти тысячу миль по прямой, но реально викингам, не рискуя отойти далеко от берегов в открытое море (это понятно, учитывая уровень развития навигации в то время), приходилось преодолевать более двух тысяч миль и проводить в плавании до шести недель. Необходимость доплыть до Винланда и вернуться обратно в течение летнего сезона, благоприятного для мореходства, оставляла совсем немного времени на исследование земель, составлявших цель путешествия. Поэтому викинги основали базовый лагерь в Ньюфаундленде, где могли перезимовать и, следовательно, посвятить весь следующий летний сезон исследованиям территории.

Те экспедиции, о которых нам известно, были организованы в Гренландии двумя сыновьями, дочерью и невесткой того самого Эйрика Рыжего, который основал в 984 г. гренландскую колонию. Они стремились разведать новую землю, выяснить, чем она богата и пригодна ли для заселения. Согласно сагам, на первых кораблях, отправившихся из Гренландии на запад в поисках новых земель, викинги везли с собой домашних животных, чтобы, найдя места, подходящие для заселения, иметь возможность основать там колонию. Впоследствии, когда им пришлось отказаться от планов создания постоянного поселения в Винланде, еще более 300 лет они продолжали совершать экспедиции к побережью Северной Америки — в основном за строевым лесом (который в Гренландии всегда был дефицитом) и, возможно, для добычи железа в тех местах, где обилие леса позволяло изготавливать древесный уголь (в чем Гренландия также всегда испытывала недостаток), необходимый для кузнечного дела.

У нас имеются два независимых источника информации о попытке викингов создать поселения в Северной Америке: письменные свидетельства и археологические находки. Пись-

менные свидетельства составляют две саги, описывающие первое путешествие викингов в поисках неизвестной далекой земли, в течение столетий передававшиеся изустно и в конце концов записанные в XIII в. в Исландии. В отсутствие независимых подтверждающих свидетельств историки были склонны считать саги выдумкой и с недоверием относились к идее открытия викингами Нового Света, пока с обнаружением археологами в Ньюфаундленде в 1961 г. остатков базового лагеря викингов этот спор не был решен окончательно.

Упоминания о Винланде в сагах сейчас считаются древнейшими письменными описаниями Северной Америки, хотя исследователи до сих пор спорят о достоверности отдельных деталей. Эти описания содержатся в двух отдельных рукописях — “Саге о гренландцах” и “Саге об Эйрике Рыжем”, которые в основном согласуются друг с другом, но имеют множество расхождений в мелочах. В них описывается до пяти походов из Гренландии в Винланд, совершенных в течение короткого периода времени — не более десяти лет. В последнем походе участвовали, вероятно, два или три корабля.

В этих сагах кратко описаны места, которые посетили викинги, дав им свои названия на норвежском языке: Хеллуланд, Маркланд, Винланд, Лейфсбудир, Стремфьорд и Хоп. Исследователи приложили много усилий к тому, чтобы выяснить, о каких местах идет речь (например, “Эта земля [Маркланд] — плоская, покрытая лесом, с небольшим уклоном к морю; они миновали многочисленные бухты с белым песком... Эта земля получила имя — Маркланд — в ознаменование того, чем она была богата [“лесная земля”]). Несомненно, что Хеллуланд — это восточное побережье Баффиновой земли, а Маркланд — побережье полуострова Лабрадор, лежащего южнее. И Маркланд, и Хеллуланд лежат на запад от Гренландии, по другую сторону Дэвисов пролив, отделяющего Гренландию от Северной Америки. Чтобы оставаться по возможности в виду суши, викинги не направляли корабли прямо через океан в Ньюфаундленд, но пересекали Дэвисов пролив, шли к

Баффиновой земле и затем поворачивали на юг, держась не-подалеку от берега. Топонимы в дошедших до нас сагах относятся к южному побережью Канады — полуострову Лабрадор, Ньюфаундленду, вероятно — к побережью залива Святого Лаврентия, Нью-Брансуику и Новой Шотландии (эти земли в совокупности получили название Винланд), возможно — к части побережья Новой Англии. Добравшись до Америки, викинги в первые годы, должно быть, стремились разведать как можно больше земель, чтобы найти лучшие места — как и при заселении Гренландии, прежде чем выбрать два фьорда, берега которых лучше всего подходили для выпаса скота.

Второй источник информации о викингах в Новом Свете — археология. Несмотря на многочисленные изыскания, обнаружено и раскопано только одно поселение викингов — на северо-западном побережье Ньюфаундленда, в местечке Л'Анс-о-Медоуз. С помощью радиоуглеродного метода установлено время основания этого поселения — приблизительно 1000 г., что полностью соответствует сагам, утверждающим, что первооткрывателем возглавлял сын Эйрика Рыжего, который основал гренландскую колонию в 984 г. и был еще жив в годы исследования Винланда. Расположение Л'Анс-о-Медоуз также, похоже, соответствует описаниям в сагах местоположения базового лагеря викингов, названного Лейфсбуди́р. Сейчас здесь обнаружены остатки восьми зданий, в том числе трех жилых домов, достаточно больших, чтобы вместить до восьмидесяти человек; кузницы, в которой найдены инструменты для изготовления железа из болотного железняка и дляковки корабельных гвоздей; плотницкой и судоремонтной мастерской, но никаких сельскохозяйственных построек или объектов, свидетельствующих о попытках заниматься земледелием и животноводством.

Согласно сагам, Лейфсбуди́р был базовым лагерьем, выстроенным в месте, удобном и для зимовки, и для организации летних экспедиций. Викингов интересовали ресурсы не столько окрестностей Лейфсбуди́ра, сколько земель, которые

им предстояло исследовать и которые были названы Винландом. Это подтверждается небольшим, но важным открытием, сделанным во время раскопок в Л'Анс-о-Медоуз: там найдены два диких грецких ореха, принадлежащих к виду так называемых серых орехов *Juglans cinerea*, которые в настоящее время не растут на Ньюфаундленде. Даже тогда, когда климат был теплее — около 1000 г., — ближайшее к Ньюфаундленду место, где рос грецкий орех, располагалось к югу от долины реки Святого Лаврентия. Там же проходила северная граница распространения винограда, описанного в сагах. Вероятно, именно заросли дикого винограда побудили викингов дать этой местности имя Винланд, то есть “винная”, “виноградная” земля.

В сагах Винланд описан как богатая страна. В списке достоинств Винланда первыми были относительно мягкий климат, более длительный вегетативный период, чем в Гренландии; наличие высокотравья и мягкие зимы, позволяющие держать скот круглый год на подножном корму, что освобождало фермеров от необходимости летом заготавливать сено для прокорма скота, остающегося зимой в хлеву. Всюду были леса с высокими, пригодными для строительства деревьями. Помимо этого, реки и озера изобиловали форелью, по размеру намного превосходившей гренландскую; воды, омывающие Ньюфаундленд, — одни из самых богатых в мире районов промысла рыбы; в лесах Винланда водились олени (северный и благородный) и многочисленные птицы.

Несмотря на богатую добычу, которую привозили до отхода нагруженные корабли викингов в Гренландию — древесины, виноград, шкуры животных, — вскоре эти экспедиции прекратились, и лагерь Л'Анс-о-Медоуз был заброшен. Раскопки поначалу вызвали энтузиазм как окончательное доказательство того, что викинги действительно побывали в Новом Свете раньше Колумба; но итог их оказался неутешительным, так как ничего существенного викинги в брошенном лагере не оставили. Все найденные объекты были небольшими, веро-

ятно выброшенными или потерянными — например, девяносто девять сломанных железных гвоздей, один целый гвоздь, бронзовая шпилька, оселок, веретено, стеклянный шарик и вязальная спица. Очевидно, лагерь был покинут не внезапно, а в ходе запланированной эвакуации. Сегодня мы знаем, что Северная Америка намного превосходила по своим размерам и богатству все земли, разведанные викингами в Северной Атлантике; даже та очень небольшая часть, которую викинги успели исследовать, произвела на них сильное впечатление. Почему же они отказались от Винланда, от этой земли обетованной?

Саги дают простой ответ на этот вопрос: викингам не удалось установить мирные отношения с многочисленными враждебно настроенными аборигенами Северной Америки. Согласно сагам, первая встреча викингов с индейцами закончилась тем, что восемь из девяти индейцев были убиты (девятиному удалось сбежать). Это было не слишком удачное начало для установления добрососедских отношений. Неудивительно, что в ответ индейцы снарядили отряд на небольших лодках и осыпали викингов градом стрел, одна из которых оказалась роковой для Торвальда, сына Эйрика Рыжего, — раненный в живот, он вскоре умер. Говорят, перед смертью он вытащил стрелу из раны и с горечью произнес: “Земля, которую мы нашли, богата; у меня в животе много жира — но что толку? Вряд ли мы сможем воспользоваться всем этим добром”.

Следующей экспедиции викингов удалось установить торговые взаимоотношения с местными племенами (викинги обменивали одежду и коровье молоко на шкуры животных), пока один из викингов не убил индейца, который пытался украсть оружие. В последовавшей за этим стычке многие индейцы были перебиты, а оставшиеся в живых бежали; происшедшего оказалось достаточно, чтобы викинги убедились: столкновения с индейцами неизбежны. Как говорит неизвестный автор саги об Эйрике Рыжем: “Отряд [викингов] тогда понял, что, несмотря на все богатство этой земли, здесь они всегда

будут под угрозой нападения первых ее обитателей. Тогда они решили отправиться восвояси, в свою собственную страну [то есть в Гренландию]”.

Оставив Винланд, викинги тем не менее продолжали наведываться в северные районы побережья Лабрадора, где индейцев было гораздо меньше; целью этих экспедиций была заготовка леса и выплавка железа. Вещественными доказательствами этих поездок служат несколько предметов, очевидно гренландского происхождения (кусочки плавленной меди и железа, пряжа из козлиной шерсти), найденные при раскопках индейских поселений, раскиданных по канадской Арктике. Наиболее интересной находкой является серебряная монета, отчеканенная в Норвегии между 1065 и 1080 гг., во время правления Олафа III Тихого, и обнаруженная при раскопках индейского поселения на побережье штата Мэн, в сотнях миль к югу от Лабрадора. В монете просверлена дырочка — вероятно, диковинный предмет использовался индейцами как подвеска. Это поселение в штате Мэн было большой торговой деревней, при раскопках которой археологи нашли камни и орудия, привезенные с полуострова Лабрадор, из районов, теперь известных как Новая Шотландия, Новая Англия, Нью-Йорк и Пенсильвания. Вероятно, эту монету потерял или обменял один из викингов, оказавшихся на побережье Лабрадора, а потом она по цепочке попала в штат Мэн.

Еще одним доказательством продолжения визитов викингов на Лабрадор является упоминание в исландской хронике 1347 г. гренландского корабля с командой из восемнадцати человек, который пристал к берегу Исландии после того, как, потеряв якорь, сбился с курса на обратном пути из некоего Маркланда. Упоминание в хронике краткое и сухое, будто ничего не требует пояснений. Летописец ставит это происшествие в один ряд с мелочами повседневной жизни и вполне мог бы продолжить: “Итак, за этот год у нас были такие новости: один из кораблей, которые каждое лето отправляются в Маркланд, потерял якорь; а еще Торунн Кетильсдоттир разлила

большой кувшин молока на своей ферме в Дьюпадалуре; еще у Бьярни Болласона издохла овца, и больше ничего особенно-го не произошло”.

Колония Винланд оказалась нежизнеспособна, потому что сама гренландская колония была слишком мала и испытывала недостаток в дереве и железе, чтобы стать плацдармом для экспансии; слишком велико было расстояние между Гренландией и Винландом, а также между Гренландией и Европой; у гренландцев было мало кораблей, пригодных для дальнего плавания, и средств, чтобы финансировать масштабные экспедиции. Команды двух-трех кораблей были каплей в море в сравнении с множеством индейцев, населявших территорию Новой Шотландии и побережье залива Святого Лаврентия, так что исход любой спровоцированной викингами драки был предрешен. В 1000 г. численность гренландской колонии составляла не более пятисот человек, так что отбытие восьмидесяти взрослых мужчин в лагерь Л’Анс-о-Медоуз было ошутимой потерей. Когда европейские колонизаторы после 1500 г. все же проторили дорогу в Новый Свет, история попыток освоения ими Америки показывает, как долго пришлось европейцам преодолевать препятствия — даже в тех случаях, когда они пользовались поддержкой самых могущественных и богатых государств с многочисленным населением, которые ежегодно строили и посылали в море корабли, вооруженные пушками и намного превышающие по размеру драккары викингов. В первых английских и французских колониях в Массачусетсе, Вирджинии и Канаде около половины поселенцев умерли от голода и болезней в течение первого же года. Неудивительно поэтому, что пятьсот гренландцев, обитая в самой отдаленной колонии Норвегии — в то время одной из беднейших стран Европы, — не смогли добиться успеха в освоении Северной Америки.

В контексте данной книги самым важным аспектом гибели просуществовавшей десять лет колонии Винланд является то, что эта гибель стала в некотором смысле анонсом, “про-

круткой” в ускоренном темпе следовавшего через 450 лет краха гренландской колонии. Викинги продержались в Гренландии гораздо дольше, чем в Винланде, потому, что Гренландия ближе к Норвегии, и потому, что в первые десятилетия у колонистов не было враждебно настроенных соседей. Но Гренландия столкнулась с теми же двумя взаимосвязанными проблемами, что и Винланд, хотя и в менее острой форме: с изолированностью и неспособностью установить дружественные отношения с коренным населением. Если бы не индейцы, весьма вероятно, что гренландцы смогли бы справиться с возникшими впоследствии экологическими трудностями, а колония в Винланде смогла бы укрепиться. В таком случае в последней, вероятно, имел бы место бурный рост населения, викинги могли бы затем расселиться по всей Северной Америке уже в XI в., и современные американцы писали бы книги на языке, производном от древнескандинавского, как нынешние исландцы и жители Фарерских островов.